

— Ещё нет. — Позавтракавший Чжоу Цзици покривил душой и покачал головой. — Учуял аромат еды в покоях, Ваше Величество. Если не возражаете, можно мне составить вам компанию?

Чжун Минхэ опешил. Он предложил это лишь из вежливости, никак не ожидая, что Чжоу Цзици воспримет приглашение всерьёз, поэтому неловко ответил:

— Не возражаю, совсем не возражаю.

В покоях согрели пшённую кашу — густую и ароматную. В дополнение к ней подали несколько тарелок изысканных закусок, от одного вида которых разыгрывался аппетит.

Живот Чжун Минхэ уже давно жалобно урчал. Больше не в силах сдерживаться и забыв о присутствии других людей, он схватил пирожное и принялся с аппетитом жевать, совершенно не заметив, как вокруг рта образовалась белая каёмка из крошек.

Ли Дэли, опасаясь, что его господин опозорится, уже приготовил платок и хотел было подбежать, чтобы вытереть ему лицо, но чья-то рука опередила его.

Крепкая ладонь с чётко очерченными костяшками принадлежала Чжоу Цзици. Его рука была настолько большой, что могла бы полностью накрыть лицо Чжун Минхэ. Смуглая кожа Регента создавала резкий контраст с бледной, розовеющей кожей маленького императора.

Чжоу Цзици даже не воспользовался платком, стирая крошки прямо пальцами, а затем невозмутимо облизал их, совершенно не брезгуя.

Этот жест заставил Чжун Минхэ замереть. Окружавшие их слуги тоже остолбенели, но тут же поспешно опустили головы, не смея поднять глаз; их уши слегка покраснели, словно они стали свидетелями какой-то дворцовой тайны.

А Чжун Минхэ лишь хлопал глазами, разинув рот от полной растерянности.

Чжоу Цзици, не меняясь в лице, с серьёзным видом произнёс:

— Основатель династии Даюань начинал свой путь с низов и больше всего презирал расточительство. Ваше Величество, как потомок основателя, не должны нарушать заветы предков, а я, как ваш подданный, обязан разделять ваши заботы.

Ли Дэли про себя засомневался.

Правда, что ли? Почему он никогда не слышал о таком завете?

Чтобы не позорить своего господина и лучше ему служить, Ли Дэли вызубрил все наставления династии Даюань, знал их наизусть и мог цитировать даже в обратном порядке.

Впрочем, если Регент сказал, что завет есть, значит, он есть — никто не осмелился бы спорить.

— А? — Чжун Минхэ пришёл в себя, моргнул и пробормотал: — Вот оно что.

С этих пор Чжун Минхэ ел гораздо осторожнее, не допуская, чтобы упала хоть крошка. Чаще всего, прежде чем Чжоу Цзицзи успевал протянуть руку, император уже сам слизывал остатки пищи.

Завтрак прошёл для Чжун Минхэ на редкость приятно, а вот Чжоу Цзицзи остался в крайне подавленном состоянии.

Закончив трапезу, Чжоу Цзицзи не собирался уходить. Он велел убрать посуду, достал свитки с докладами и попросил всех выйти.

— Ваше Величество, если что-то останется непонятным — спрашивайте. Я отвечу на всё, ничего не утаив.

Под пристальным взглядом Чжоу Цзицзи Чжун Минхэ раскрыл документ.

В докладе было написано примерно то же, о чём говорили сегодня утром на заседании, но с добавлением нескольких вариантов решения. Каждое предложение выглядело полезным и почти не имело изъянов — словно кто-то, зная, что он глупец, просто поднёс ложку к его рту, оставалось лишь раскрыть его и проглотить.

Чжун Минхэ внимательно изучал предложенные меры. Хотя все они казались выполнимыми, нельзя было выбирать первую попавшуюся — следовало взвесить все за и против, чтобы минимизировать риски.

Однако он слишком долго задержался на одной странице, что привлекло внимание Чжоу Цзицзи, который не выдержал и спросил:

— Что случилось? Не понимаете какой-то момент?

Сразу после этого Чжоу Цзицзи вполне естественно пересел ближе к Чжун Минхэ.

От этой близости Чжун Минхэ стало очень не по себе. В душе и в теле возникло странное, трудноописуемое ощущение. Он сжал рукава, покраснел и выпалил первое, что пришло в голову:

— Я... я не умею читать...

Чжоу Цзицзи замер.

Не умеет читать? Как такое возможно? Он сам видел, как Чжун Минхэ отгадывал загадки при

свете луны — это совсем не было похоже на неграмотность.

— Совсем ни одного не знаете? — Чжоу Цзицзи нахмурился, его лицо помрачнело.

Видимо, выражение лица Регента было настолько пугающим, что Чжун Минхэ отпрянул назад и заикаясь ответил:

— Не... некоторые знаю. — Он начал тыкать пальцем в знакомые иероглифы: — Это... бедствие... народ не... что-то там... жизнь...

Это был доклад о наводнении и болезнях у берегов Сюаньчуань, из-за чего народ жил в нищете.

Из целой строки он узнал лишь четыре или пять знаков.

Чжоу Цзицзи с сомнением посмотрел на императора. Чжун Минхэ продолжал смотреть в пол, его щёки пылали, а в уголках глаз, казалось, блестели слёзы. Это не походило на ложь — скорее, на стыд от собственного невежества.

Чжоу Цзицзи беспомощно вздохнул:

— Ничего страшного. Грамоте можно научиться. Я буду вас учить.

Эти слова повергли Чжун Минхэ в ужас. Он и так не хотел оставаться с Регентом в одной комнате, а если тот начнёт его учить, то придётся видеться каждый день?

Это плохо, ужасно плохо!

— Нет! — воскликнул Чжун Минхэ.

— Почему?

— Ре... Регент очень занят, у вас много дел... нельзя постоянно отвлекать вас, доставлять беспокойство.

Чжоу Цзицзи улыбнулся:

— Мне это не в тягость.

— Но... но я очень глупый. Все называют меня дурачком, я ничего не могу запомнить. Для Регента... для вас я буду только обузой.

Хотя он лишь притворялся неграмотным, что, если Чжоу Цзицзи его раскусит и прикончит? По

логике, Регенту нужен марионеточный император, а не слишком сообразительный.

— Вы не обуза. Ни для кого вы не будете обузой. К тому же, Ваше Величество может называть меня по имени. Обращение Регент слишком официальное.

У Чжоу Цзицзи возникло непреодолимое желание погладить Чжун Минхэ по голове — так же, как тот гладил свою золотую рыбку, — с нежностью и сочувствием.

Чжун Минхэ опешил и опустил голову, подумав: Мы ведь не настолько близки.

Золотая рыбка вылезла из-под тёплой печки, потянулась, зевнула, потёрлась о ногу Чжун Минхэ, а затем запрыгнула на колени к Чжоу Цзицзи. Она устроилась поудобнее и улеглась, явно не собираясь уходить.

Нашла себе защитника!

Чжоу Цзицзи прищурился и протянул руку, чтобы погладить её. Золотая рыбка оказалась очень ласковой и ничуть не боялась людей. Чжоу Цзицзи чесал её за ушком, отчего та довольно заурчала.

Чжун Минхэ надул губы, сердито округлил глаза и тихо проворчал:

— Маленький предатель.

Голос его был едва слышен, и казалось, что Чжоу Цзицзи не мог его расслышать. Но Регент был не из простых, его слух был превосходным — даже самый тихий звук не ускользал от него.

Услышав это, он не смог сдержать улыбку, придвинул стул ещё ближе к Чжун Минхэ и положил кошку ему на колени.

Золотая рыбка была довольно тяжёлой, отчего колени императора просели под её весом. Это движение разбудило кошку, она спрыгнула и вернулась к печке.

Казалось, печка и Чжоу Цзицзи нравились ей больше, чем собственный хозяин.

Хм-м, ведь это он её спас, а она к нему совсем не ластится.

Хм! Просто маленький предатель!

Чжун Минхэ дулся на ленивую кошку и не заметил, как Чжоу Цзицзи, намеренно приблизившись, чтобы взять кисть и бумагу, прошептал прямо над ухом:

— Ваше Величество, этот иероглиф...

Тёплое дыхание коснулось шеи, заставив кожу покрыться мурашками. Чжун Минхэ резко обернулся и случайно коснулся губами подбородка Чжоу Цзици.

Ощувив нежное тепло, он испуганно отшатнулся назад, ноги подкосились, и он чуть было не рухнул. К счастью, Чжоу Цзици молниеносно подхватил его за талию и выпрямил, предотвратив падение.

Чжоу Цзици обнимал тонкую талию — такую узкую, что её можно было обхватить одной рукой; он до сих пор помнил, как гибко это тело двигалось. Его взгляд непроизвольно потемнел, в глазах читалось нечто скрытое, а рука, сжимавшая талию, невольно напряглась.

Рост Чжун Минхэ приближался к ста восьмидесяти сантиметрам, но рядом с Чжоу Цзици он всё равно казался совсем маленьким и хрупким. Сейчас Регент закрывал его собой так, что Чжун Минхэ словно растворялся в его объятиях. Он даже не мог поднять головы, чтобы увидеть, каким хищным взглядом смотрел на него Чжоу Цзици.

В этой позе было очень неудобно. Чжун Минхэ заерзал, упираясь руками в твёрдую грудь Регента. С первой попытки оттолкнуть его не удалось, он поднатужился снова:

— Я... я задыхаюсь!

Услышав это, Чжоу Цзици пришёл в себя и ослабил хватку, пробормотав:

— Прощу прощения. Я лишь хотел предотвратить падение, Ваше Величество, не сердитесь.

Вывавшись из объятий, Чжун Минхэ поспешно отодвинулся:

— Ничего страшного. Благодарю, Регент.

— Я же просил называть меня Чжоу Цзици.

— Благодарю, Чжоу... — Хотя наедине с собой Чжун Минхэ называл его по имени, при самом Регенте слова застревали в горле. Поколебавшись, он всё же выдавил: — Чжоу Цзици.

Сказав это, он почему-то покраснел и, боясь, что это заметят, низко опустил голову.

Чжоу Цзици прищурился, улыбаясь, как хитрый лис.

— Ваше Величество, давайте приступим к уроку. — Чжоу Цзици взял бумаги и кисть. У него был скрытый умысел: так он мог подержать императора за руку.

Но маленький император не дал ему такой возможности. Глядя в доклад, он произнёс:

— Давай сначала выучим иероглифы.

На самом деле он умел писать, но боялся, что его раскусят, поэтому и притворялся.

Чжоу Цзицзи тут же нашёлся:

— Чтобы лучше запомнить, нужно писать во время чтения.

Делать было нечего, Чжун Минхэ взял кисть. В следующую секунду рука Чжоу Цзицзи накрыла его ладонь, окутав теплом.

Как Чжоу Цзицзи и ожидал, рука оказалась маленькой и нежной. Ему казалось, что в Чжун Минхэ всё было таким милым, что сердце вот-вот растает.

Однако самому Чжун Минхэ было невыносимо. Он специально выводил иероглифы коряво, как человек, который никогда не держал кисть в руках, отчего письмо выглядело безобразно.

Поначалу Чжоу Цзицзи проявлял огромное терпение, но спустя время на его лбу вздулась вена. Он подавлял нарастающий гнев, и даже его дыхание перестало быть ровным.

В бою Чжоу Цзицзи никогда не боялся затяжных схваток и славился своей выдержкой. Но сейчас, потратив уйму времени на изучение двух-трёх иероглифов, которые император никак не мог запомнить и повторить правильно, даже небожитель начал бы терять самообладание.

Чжун Минхэ почувствовал, как дыхание Чжоу Цзицзи стало тяжёлым. Похоже, тот был в ярости. Император не смел поднять глаз, глядя как провинившийся школьник, который вот-вот получит взбучку:

— Я... я, должно быть, очень глупый?

Чжоу Цзицзи с трудом овладел собой, вытер выступивший пот со лба и с глубоким вздохом отчаяния сказал:

— Пожалуй, найду я вам другого учителя.

<http://bllate.org/book/21172/2144768>